

[А. К. Воронский – Феодосии Гавриловне Воронской]

16го февраля <1913 г.>

Кемь.

Милая мама! Относительно амнистии пока ничего достоверного неизвестно у нас. Судя по всему, ряд лиц освободится, но я полное освобождение не получу, как один из неисправимых и закоренелых. Думаю, что сокращение срока будет. Если паче всякого ожидания придется ехать обратно, дам телеграмму. Но повторяю, надежды очень, очень мало, и я почти не думаю о перемене местожительства. Не знаем, когда будут объявлять; возможно, что и позже 21 февраля благодаря почтовому тракту, но если списки придут раньше, то будет известно и 21-го числа. От Симы получил карточку. Она уже выглядит теперь взрослой, а раньше была больше похожа на девочку. Понравилась ли она тебе на карточке? По-моему, карточка очень верно передает приветливое выражение ее лица. У нее действительно лицо очень открытое. Мне пока ничего не надо. Послал тебе группу ссыльных на катке. Было очень морозно, и лицо вышло у меня не очень хорошо. Но для Кеми и это сойдет. Совершенно не понимаю, почему Надя ничего не пишет. Непременно жду вас, т. е. тебя и Симу, сюда весной. Лето здесь хорошее. Есть красивые места, как можешь судить отчасти по открытке. Купаться сколько душе угодно. Только очень долго ждать. Еще целых три месяца. Получил 2 р. 69 к., посланных в Арх. тюрьму, чувствую себя хорошо. Здоров. Много гуляю; сплю, как убитый. Целую. Пиши. У нас идут мятели и холодно. Твой Саша.